

столь драгоценная в истинном художнике, — Пушкин изобразил Державина. Пушкинское понимание искренности поэта, его представление о том, как этому требованию отвечал Державин, краткое, но точное определение особенностей таланта дорогого его сердцу поэта — все это должно стать предметом специального и тщательного исследования.

В 30-е годы Пушкин по-прежнему считал, что «гений», «кумир» Державина еще не оценен по справедливости критикой. Но теперь он уже не упрекал критику, а, встав на позиции историзма, сам принялся за труд установления преимущества с теми писателями, которых считал своими предшественниками. Это он делал как историк литературы, поэтому он писал статьи о Крылове, Фонвизине, Радищеве, Дмитриеве, в критических статьях мотивировал свою эстетическую позицию ссылками на опыт и авторитет Державина и других писателей. В 1834 г. он задумал написать статью об основных этапах развития русской литературы XVIII—начала XIX в. Статью эту Пушкин не успел написать, но оставшийся план заслуживает самого тщательного изучения.

К 1836 г. Пушкин уже отчетливо определил свое отношение к предшественникам и прежде всего к Державину, к русской традиции победившего направления «поэзии действительности», выработал программу подлинно исторической оценки и переоценки наследия крупных писателей XVIII и начала XIX в. Представление об этой программе, поскольку Пушкин не успел реализовать своего замысла, дает статья Н. В. Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», напечатанная в первом томе «Современника» за 1836 г. Известно, что статья эта писалась с одобрения Пушкина, что он читал ее до сдачи в набор, что Гоголь вносил поправки, которые делал редактор, любимый писатель и учитель. Именно поэтому, напечатанная без подписи, она справедливо всеми расценивалась как программа пушкинского журнала.

В статье был поставлен вопрос о необходимости объективно оценивать не только историческое значение наследия талантливых писателей прошлого, но и определять их роль в развитии современной литературы: «Вышли новыми изданиями Державин, Карамзин, гласно требовавшие своего определения и настоящей верной оценки так, как и все прочие старые писатели наши, ибо в литературном мире нет смерти, и мертвецы также вмешиваются в дела наши и действуют вместе с нами, как и живые. Они требовали возвращения того, что действительно им следует; они требовали уничтожения неправого обвинения,